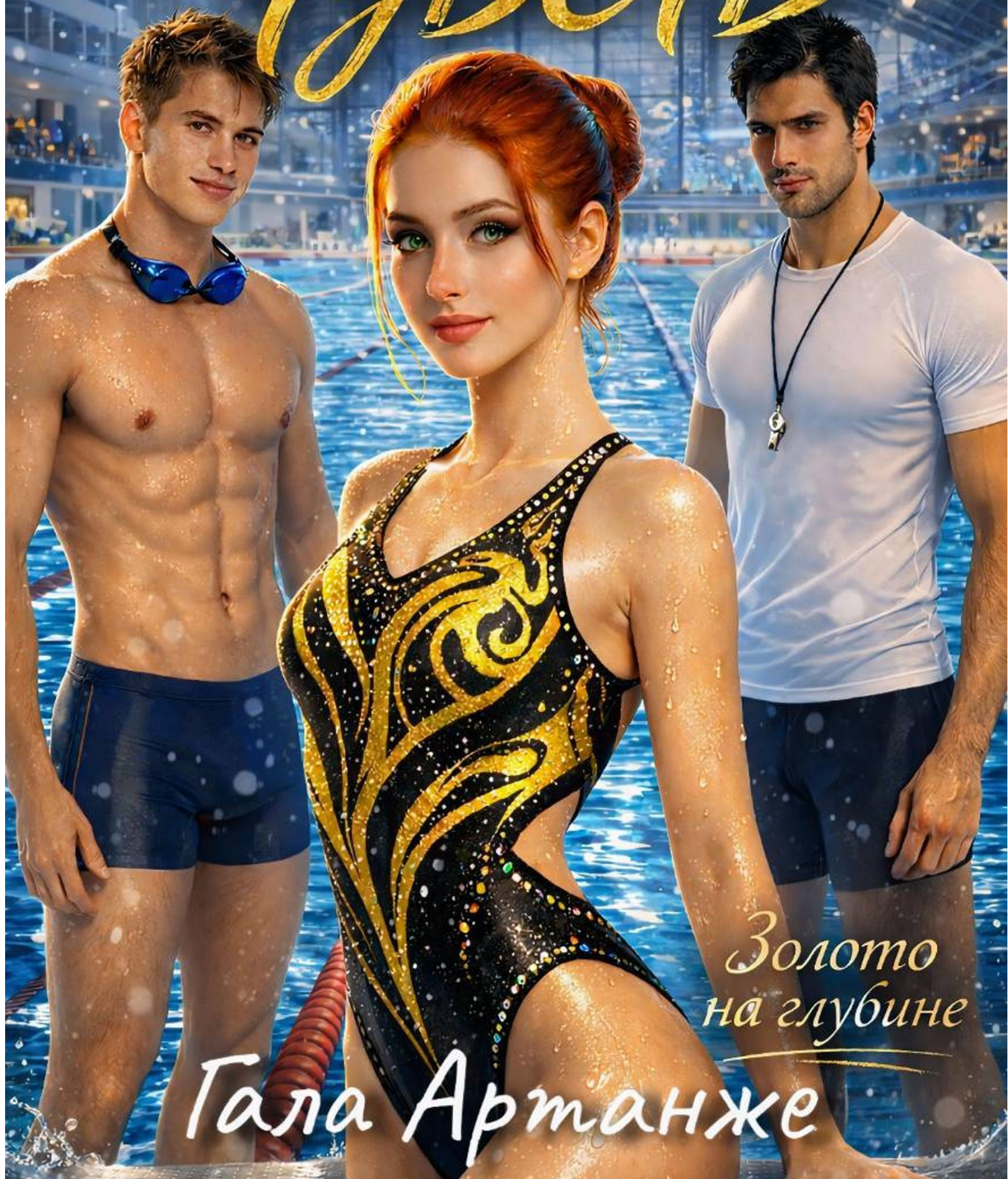

СИНХРОНИЗАЦИЯ ЧУВСТВ

*Золото
на глубине*

Гала Артанже

Гала Артанже

Синхронизация чувств

«Автор»

2026

Гала Артанже

Синхронизация чувств / Гала Артанже — «Автор», 2026

День Таси расписан по минутам: днём - филфак и сообщения от заботливого Васьки, вечером - тренировки по синхронному плаванию. Всё кажется понятным и правильным, пока поездка в Ярославль не сталкивает Тасю с Андреем - старшим другом Васьки. И ей предстоит решить, как не предать тех, кого любишь, и какое золото на самом деле важнее - на шее или в глубине сердца?

© Гала Артанже, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Спартакиада	5
Пятницы	9
Поездка в Ярославль	14
День рождения	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Гала Артанже

Синхронизация чувств

Спартакиада

Тася с тяжёлым рюкзаком за спиной выбралась из автобуса. Астрахань встретила её южной жарой и тягучим запахом Волги. Солнце нещадно било в глаза. Горячий влажный воздух лениво тянулся и лип к коже, щекоча ресницы. Тася прищурилась.

За шесть часов дороги она устала. Рыжие волосы распались на завитки, кроссовки поскрипывали о горячий асфальт, но внутри всё пело: *Спартакиада. Шестая молодёжная*. Почти год ежедневных тренировок, и вот – Астрахань, жара, Волга...

– Тась, ты чего застыла как памятник Зои Космодемьянской? – Лена толкнула её в плечо. – Сначала заселяемся, а потом уже любишься этим Астраханским курортом. Тоже мне – нашла Сочи.

– Да я просто сравниваю... воздух другой.

– Воздух у неё, – фыркнула Лена, – это не воздух, а Волга испаряется – ишь, какая она здесь широченная. Это Астрахань, детка!

Но Тася ловила себя на мысли, что в этом чужом городе всё ей кажется по-настоящему новым и волнующим: и широкая река, и приплюснутые облака, и предчувствие, что здесь точно случится что-то важное и необычное.

Она только молча кивнула, и девчонки направились в гостиницу.

* * *

На второй день всё и случилось. После отборочного заплыва, когда команда уже визжала и хлопала друг друга по плечам, тренер Юлия Ивановна коротко похвалила: «молодцы».

Но для Таси первая победа ощущалась ликующим шумом, а лёгким жаром в груди, и хотелось без свидетелей пережить эти волнения, чтобы радость тихонько улеглась внутри. Чтобы выдохнуть от напряжения и нахлынувших эмоций, она вышла на улицу.

Тася стояла, опершись о стену спорткомплекса, листала телефон и неожиданно почти кожей уловила, что совсем рядом кто-то остановился.

– Слушай, ты из синхронного, да? – раздался голос, не назойливый, а скорее лёгкий. – Видел ваш номер. Классно выступили!

Она подняла голову. Парень – высокий, светловолосый, с немного растрёпанной чёлкой и широкой светлой улыбкой, будто само солнце попросило его просиять. На олимпийке – логотип МГУСиТ¹.

– Спасибо! – поблагодарила Тася, – Старались.

– Василий я. Можно просто Вася. – Он протянул руку. – Вольный стиль, двести метров.

– Тася.

– О! Вася и Тася, считай, дуэт образовался, – засмеялся он весело, но без налёта показухи.

– Тася – это от Анастасии?

– Нет. Таисия. Маму угораздило назвать так в честь Таис Афинской. Читал Ивана Ефремова?

Вася задумался на секунду.

– Не вспомню. Может, не читал. Надо будет загуглить.

¹ Московский государственный университет спорта и туризма

– Надо, – кивнула Тася. – Там женщина сильнее половины мужских персонажей мировой литературы.

Вася вскинул брови:

– Тогда точно читаю. И вообще, если ты не против, пойдём мороженого возьмём? У меня от бассейна и жары ощущение, что внутри всё кипит.

Они направились в маленькое кафе неподалёку – с вывеской «**Мороженное**» через лишнюю букву «н» и кавычки, от которых Тася едва не взвыла, потому что родной филфак не отпускал её даже на каникулах.

– Господи, кто это писал?! – простонала она, глядя на вывеску. – Кажется, я осиротела без филфака.

– Без чего?

– Потом объясню, – улыбнулась Тася.

За столиком разговор начали со спорта: про Спартакиаду, планы, про то, насколько реально попасть на чемпионат мира. По мнению Таси – вполне реально, и произнесла она это так убедительно, что Вася посмотрел на неё с уважением.

– Олимпиада тоже в планах?

– Олимпиада – это пока ещё не план, а мечта, – улыбнулась она. – Но я работаю, чтобы она стала планом.

– И ты уверена, что всё получится?

– Уверена! Если не получится – сделаю так, чтобы получилось, — Тася подмигнула парню.

– Так-так, – усмехнулся он. – Надо записать золотыми буквами на стене бассейна.

Потом разговор сам собой перетёк в музыку. Тася призналась, что слушает в основном Янку Дягилеву и старые альбомы «Сплина», и Василий скривился с таким искренним страданием на лице, что девушка не сдержалась и, прикрывая ладонью рот, рассмеялась.

– Что не так? – спросила она.

– Тась, ну это же бумеры. Это всё равно что прийти в 2024 году и сказать «слушаю Витаса». Или как слушать кассеты... ну, серьёзно. Есть же нормальная музыка – Маша, Niletto, Скриптонит...

– Скриптонита я слушаю, – парировала она.

– О! Уже прогресс! – Вася поднял руки, шутливо сдаваясь.

– А Янка Дягилева – это классика российского рока, – заявила Тася, уверенная в своей правоте, – Как Пушкин. Пушкина ты тоже не читаешь?

– Пушкина-то читал. Обязательная программа.

– Вот. А Дягилеву надо слушать не по программе, а по зову души. Это честнее, чем по обязательке.

Вася засмеялся. Смех у него был чистый, заразительный. Он с любопытством посмотрел на Тасю – видимо, не ожидал, что будет так нескучно. И Тася тоже вдруг подумала: вот он, тип людей, с которыми можно спорить до ночи и не устать.

Они проговорили почти два часа. Мнения расходились во всём: в музыке, в кино, в том, нужно ли читать бумажные книги или достаточно электронных. Вася слушал внимательно, с уважением, хотя глаза всё время смеялись.

Когда вернулись в гостиницу, уже стемнело. У номера Таси Вася махнул рукой:

– До завтра, филологиня!

Она улыбнулась. Они разошлись по своим номерам. От событий ушедшего дня внутри осталось тёплое ощущение, как отпечаток солнечного луча на коже.

* * *

За день до закрытия Спартакиады московская команда по синхронному плаванию взяла золото.

Тася еле стояла на ногах, но улыбка не сходила с лица. Команда орала, тренер Юлия Ивановна смахивала слезу со щеки, Лена визжала и висела у Таси на шее.

Всё свершилось по намеченному плану. Всё, кроме внутреннего щелчка, от которого Тасе хотелось просто сесть и замолчать, чтобы всё самой взвесить. Слишком много чувств нахлынуло одновременно – гордость, усталость, что-то ещё, чему Тася не сразу нашла название.

А вечером Вася прислал СМС: «Поздравляю! Заслужили. Ты свободна вечером?»

«Зависит от того, что предлагаешь», – ответила она.

«Театр. Опера».

Она дочитала и рассмеялась: *опера?!*

Но предложение Васи оказалось не шуткой.

Белоснежный Астраханский театр оперы и балета стоял у воды, будто замок из сказки. Колонны отражались в Волге. А по ступеням гулял мягкий золотой свет. Тася остановилась, не в силах оторвать взгляда.

– Красиво, да? – Вася и правда любовался видом.

– Очень!

Театр встретил их высоким золочёным фойе. И в зале тоже богато. Удобные кресла обтянуты красным бархатом. Воздух наполнен лёгким запахом духов и волнительным предвкушением. Зрители в нарядной одежде. На Тасе простое миди-платье, которое она взяла почти случайно, но всё равно чувствовала себя в нём вполне уместно. Музыка ещё не началась, а в воздухе уже что-то менялось.

– Я, вообще-то, не большой фанат оперы, – честно признался Вася, – А здесь «Мадам Баттерфляй». Пуччини. И билеты были, и я подумал... ты же про книги и всё такое – ну филологиня... в общем. О! звучит, как Богиня, да? – Он посмотрел на девушку с таким же восхищением, как минуту назад на театр. – Богиня и есть!

– Ну, спасибо, – смутилась Тася не от неловкости, а от того, как легко он это сказал, и почему-то хотелось ему верить.

Когда оркестр заиграл увертюру, музыка окутала Тасю, и она перестала думать обо всём, что не касалось действия на сцене. Лишь дышала и слушала. Забыла про Васю, про медаль, про завтрашний автобус. Видела только историю женщины, ожидающей того, кто не вернётся. Не зная итальянского языка, Тася понимала всё, что происходило.

В антракте они задумчиво молчали, всё ещё погрязшие в волшебство музыки и голосов. Бывают моменты, в которых любые слова лишние.

Когда вышли из театра, было тепло и тихо: ни дуновения ветра, ни шума шин об асфальт. Внизу поблёскивала Волга. Всё вокруг казалось немного сюрреалистичным.

Вася прервал молчание.

– Это намного лучше, чем я предполагал.

Тася смотрела на воду и слушала его вполуха. Вася приостановился и развернул её лицом к себе, наклонился и поцеловал в губы неторопливо, словно давал ей возможность решить, а надо ли ей это. Она не отстранилась.

Ни о чём конкретном в тот момент Тася не думала. Просто стояла в тёплой астраханской ночи и ощущала, как что-то, до этого момента спящее внутри, вдруг дало о себе знать. Нет, ничего в ней не перевернулось, не взорвалось, как в кино... а просто вздрогнуло и тихо сдвинулось с места.

Если бы Тасю спросили, хорошо это или нет, она бы не нашлась что ответить...

* * *

Спартакиада закончилась. Москва ждала. Впереди была осень, бассейн и учёба.

В Москву Тася и Вася возвращались разными автобусами.

Тася смотрела в окно на уплывающую степь, золотая медаль лежала в рюкзаке, завёрнутая в футболку, и телефон уже пикнул первым сообщением от Васи: «доедь нормально».

Она написала: «ты тоже».

И добавила через минуту: «спасибо за театр».

Он ответил gifкой – маленький мультяшный мальчик кланялся в пол. Тася хихикнула, спрятала телефон и уткнулась лбом в стекло.

За окном тянулась дорога. Как длинная строчка новой главы.

Пятницы

Москва встретила команду молодых спортсменов привычным шумом: гул метро, протяжные гудки в пробках и горьковатый аромат из кофейных автоматов в подземных переходах. Всё встало на свои места, будто Астрахань и Волга были коротким сном или случайным ярким фильмом в подборке однотипных сериалов.

После Спартакиады прошло два месяца.

Тася вернулась в свою обычную жизнь, хорошо отлаженную режимом тренировок и учёбы в Университете: пары с утра, бассейн в 17.00, вечером учебники и конспекты. Всё на своих местах. Только одно стало другим – телефон теперь пикал и вибрировал чаще, чем раньше, иногда в самые неожиданные моменты.

Вася писал каждый день. Сообщения от него были коротенькие – парень не из тех, кто пишет длинно, – но стабильные: утром что-нибудь вроде «удачи на парах», в течение дня смешное видео или мем, вечером «как прошёл день?»

Сначала Тася отвечала однословно: «норм», «ничего», «живу». Потом сообщения становились содержательнее. Она рассказывала, какие элементы и программу в целом команда в этот день отрабатывала, что в бассейне поменяли расписание и нумерацию дорожек, а в университете преподаватель по стилистике снова перепутал её фамилию – назвал Орловой, а не Соколовой. Постепенно, день ото дня, эта переписка стала неотъемлемой частью жизни Таси.

На лекции по старославянскому, когда Игорь Борисович уже сорок минут рассказывал про редуцированные гласные, экран телефона тихо вспыхнул. Вася прислал фото, обработанное ИИ: в общежитской кухне кастрюля подняла крышку как шляпу. Подпись: «Борщ сбежал. Говорит, хочет в гости к Тасе».

Тася, не удержавшись, тихо хихикнула.

– Ты чего лыбишься? – прошипела сбоку сокурсница Оля, оторвавшись от своей тетради.

– Ничего.

– В телефон улыбаешься – это «ничего»? – Оля выразительно приподняла бровь. – Астраханский, что ли, опять на связи?

Тася чуть не уронила ручку.

– Оля, у нас лекция.

– У нас Игорь Борисович бубнит про редуцированные гласные, – невозмутимо продолжила Оля. – Он не заметит, даже если здесь восстание древнерусских глаголов начнётся.

Тася запихнула телефон в карман и честно попыталась сосредоточиться на «ъ» и «ь» в слабой позиции. Получилось плохо.

* * *

По пятницам Василий и Таисия встречались. Один раз в неделю. И не потому, что кто-то сверху взял и отметил маркером один день в календаре.

Вася жил в общежитии на другом конце Москвы, она – в родительской квартире на Таганке. Встретаться «где-то посередине» оказалось неожиданно удобно: Чистые пруды, Китай-город, иногда они выбирались до Воробьёвых гор и сидели там долго, глядя, как под ними переливается огнями Москва.

Однажды они так засиделись на склоне, что воздух стал по-осеннему прохладным, а разговор скатился к обсуждению наиболее спорного вопроса вселенной: «нужно ли дочитывать романы до конца, если уже понятно, чем всё закончится».

– Нужно, – уверенно сказала Тася. – Из уважения к структуре повествования.

– Не нужно, – возразил Вася, – из уважения к своему времени.

Спор закончился ничьей, но пятница от этого стала только лучше.

Да, она была единственным днём на неделе, когда Вася был свободен: после учёбы у него обязательные вечерние тренировки. А в субботу рано утром – электричка до Ярославля, а оттуда – в посёлок, где жили его родители. Этот железобетонный режим Вася никогда не нарушал. Поля, засеянные пшеницей и кукурузой, корова, утки, индюки, куры – всё это требовало рук, и руки эти были, как ни странно, Васины.

– Долго ехать? – спросила как-то Тася, когда они сидели в маленькой круглой кофейне на Китай-городе и делили на двоих чизкейк.

– Часа три с хвостиком, – пожал он плечами. – Нормально, я сплю в дороге.

– А в воскресенье обратно?

– Да, вечером. Успеваю к понедельнику.

Тася кивнула. Значит, пятница. Только пятница. Но что поделать? А если честно, то ей и этого было вполне достаточно.

Бассейны у них были разные, каждый в своём районе. Вася не навязывался, не приходил «случайно» к её дорожке, не изображал киногероя. И это странным образом тоже было для Таси комфортно.

По пятницам они ходили куда глаза глядят: в кино, просто гулять, на набережную или в торговый центр посмотреть на витрины и посмеяться над манекенами в нелепых одеждах. Однажды Тася, вдохновлённая постом в университетском чате, затащила Васю на выставку современного искусства в «Зарядье».

В одном из залов демонстрировалась инсталляция – гора из сломанных деревянных стульев, подсвеченная холодным светом.

– Это метафора, – важно, со знанием дела сказала Тася, сложив руки на груди.

– Чего? – Вася повёл бровями, в шутку изображая высшую степень недоумения.

– Ну... хрупкости привычных структур, – с ходу придумала она заковыристую фразу, – или... краха патриархального мира.

Вася перевёл взгляд на стулья, потом на Тасю.

– Это просто сломанные стулья, Тась, – наконец авторитетно заявил он. – Филфак делает с людьми странные вещи.

– А твой факультет с людьми что делает? Тебя там не научили вообще ничему, – парировала она и засмеялась, потому что Вася изобразил на лице скорбь всего физкультурного студенчества.

– Мой факультет научил меня правильно приседать со штангой, – торжественно произнёс Вася. – Физическая культура – серьёзная дисциплина.

– Я не спорю.

– Споришь. Я слышу по интонации голоса, у вас на филфаке постановка речи – это отдельная дисциплина, да?

Тася расхохоталась. На выходе из зала они всё ещё смеялись, и охранник бросил на них неодобрительный взгляд. Тася зажала рот рукой, а Вася шепнул:

– Если что, скажем, это перформанс: «Молодое поколение тянется к искусству».

– Не убедительно тянется, – заявила она и снова хихикнула.

* * *

Тася лежала на кровати, уставившись в потолок, и пыталась разобраться, почему внутри беспокойно. Всё же в целом было хорошо. Даже более чем: тренировки идут, учёба не валится, по пятницам – Вася. Всё ведь ровно. Но всё равно что-то беспокоило её и зудело, как маленькая заноза. И Тася не сразу поняла что.

Потом поняла.

По телевизору шёл очередной сериал – один из тех, которые она смотрела просто фоном. В кадре появился главный герой: высокий, тёмные волосы, а взгляд такой, что хотелось смотреть, не отрываясь. В общем – весь из себя. Брутальный, успешный, с уверенностью, что ему всё позволено. И с лёгкой хищной улыбкой... И такой тип точно знает, в какой момент нужно сделать паузу, а в какой брать нахрапом.

Тася посмотрела на него, потом взяла телефон и подумала о Ваське.

Вася... Васёк... он был другим. Совсем другим. Простым, открытым, без второго дна, без этой, так привлекающей девушек, брутальности плохого парня. Не успешный, а всё время разрывающийся между парами, тренировками и поездками на родительскую ферму. У него не было этой показушной уверенности – он мог сбиться на полуслове в голосовом сообщении, если забывал, что хотел сказать. Мог написать «как дела?» и правда иметь в виду «как дела», а не просто из-за вежливости произнести дежурные слова. Вася не был красавчиком с экрана, он был... нормальным. Смешливым. Иногда немного обидчивым.

– И что? – сказала Тася вслух сама себе. – Чего тебе в нём не хватает? Мужественности? Страстности? Так ему всего девятнадцать лет. Мальчишка, по сути.

Телевизор, разумеется, промолчал, занятый показом очередного героического крупного плана.

Она открыла мессенджер. От Васи пришло новое голосовое.

– Короче, – голос звучал хриловато, устало, но весело, – у нас сегодня один парень решил изобразить из себя Майкла Фелпса и прыгнул в воду так, что брызги долетели до тренера. Тренер взял полотенце, не спеша вытер лицо, посмотрел на выпендрёжника и сказал: «Ну, теперь хотя бы понятно, почему ты всегда плывёшь последним». Я умер. Всё, Тась, я спать. Не падай в бассейн и не создавай ненужной показухи, пожалуйста. Ты и без показухи Богиня.

Тася слушала и улыбалась. Потом включила ещё раз, чтобы услышать, как он смеётся, и его ласкающее слух «Богиня».

«Ладно. Может, и простой, но это не так уж и плохо. Может, даже лучше».

* * *

Октябрь пришёл с дождями и зачётными неделями. Над городом висело серое марево, а в метро вечерами все выглядели одинаково: уставшие, в куртках, с рюкзаками и сумками, с телефонами в руках.

В бассейне тренер добавила нагрузку. Первенство страны среди молодёжи состоится в январе, и все понимали: если сейчас не работать в поте лица, потом будет поздно.

После тренировок Тася, еле живёхонькая, добиралась до дома. Разувалась в коридоре, шлёпала на кухню за чаем, потом тянула свою тушку в комнату, открывала конспекты... и через десять минут ловила себя на том, что второй раз перечитывает одно и то же предложение.

Поздними вечерами Вася звонил по расписанию, как будильник, только не назойливый, а приятный.

– Ты вообще спишь? – спрашивал он.

– Сплю, – отвечала Тася, уткнувшись щекой в подушку. – Почти.

– Ты сейчас над учебником опять уснула, я угадал?

– Нет.

– Та-а-ась.

– Ладно, да, – вздохнула она. – Но я герой.

– Герой лежачего фронта, – хмыкнул Вася. – Ложись нормально.

– Я и так лежу.

– Имею в виду: ложись спать, а не мучайся над книгой.

– Я не мучаюсь, а внимательно читаю конспект.

– А я слышу, как ты зеваешь.

Тася фыркнула, но всё равно улеглась поудобнее. Оставила телефон рядом на тумбочке, не убавляя звук.

Вася тоже не отключился сразу, и связь висела ещё несколько минут: в телефоне тихо потрескивало, кто-то хлопал дверью в коридоре, где-то очень далеко лаяла собака. Она слушала его голос: «ты представляешь, у нас в общежитии опять выключили горячую воду»...

Это странное ощущение – засыпать под его дыхание и голос – согревало Тасю, как если бы Вася действительно сидел рядом, прислонившись к ней плечом.

Ночью он приснился Тасе. Но сон был не из тех, которые потом пересказывают подругам, краснея и смеясь. Всё гораздо прозаичнее. Вдвоём они шли к горизонту по осеннему городу, разговаривали ни о чём и обо всём сразу. Низкое солнце, каким оно обычно бывает в октябре, светило в глаза, цеплялось за ресницы, и всё вокруг казалось лёгким, умиротворённым. Никакой спешки, никаких оценок или вопросов типа «а что это между нами?» Они просто шли рядом, и этого обоим было достаточно.

Проснувшись, она ещё несколько секунд лежала с закрытыми глазами, удерживая ощущение тихого, ровного счастья без спецэффектов.

Потом потянулась к тумбочке. Телефон с почти разряженной батареей лежал экраном вниз.

От Васи ни сообщения, ни пропущенного голосового. Конечно, он спал. Нормальные люди в половине седьмого спят, а не анализируют сны.

Тася поднялась, поставила телефон на зарядку и пошла на кухню.

За окном ещё не забрезжил рассвет. Мокрый двор блестел лужами. Вода в чайнике лениво готовилась к закипанию.

Тася обхватила себя руками и думала, что пятница наступит послезавтра. И это, кажется, всё-таки что-то значит для неё. *Что* конкретно она пока ещё не знала. Но от одной мысли о встрече с Васей в груди стало теплее. Тася честно попыталась сосредоточиться на редуцированных гласных. Получилось плохо.

В один из дней она поняла, что скучает. Но не так, как по тому, кто уезжает на месяц и исчезает из жизни. И не по пятничным встречам – к такому распорядку она уже привыкла: уйдёт Вася в метро, напишет «доехал», и на этом всё до следующей недели.

Нет. Это случилось посреди дня, на паре по зарубежной литературе. Профессор рассказывал про Хемингуэя, «потерянное поколение», войну и героев, которые не умеют говорить о чувствах иначе, чем через бокал чего-нибудь крепкого.

Тася честно делала пометки, но в голове крутилось: «Интересно, Ваське бы понравился Хемингуэй или он сказал бы «бумер»?»

Мысль показалась ей настолько смешной, что она хмыкнула.

– Рыжик, ты где? – шёпотом спросила Оля, наклонившись к ней.

– Здесь, – едва слышно ответила Тася.

– Ха! Так я и поверила, – буркнула Оля.

После пары в коридоре подруга поймала Тасю за рукав.

– Так, гражданка Соколова, – сказала она, – давай честно. У вас серьёзно или «мы просто гуляем»?

Тася замерла, прикидывая, как сформулировать ответ. И даже не столь Оле, сколь самой себе.

– Не знаю, – наконец сказала она. – Мы просто... видимся. По пятницам.

– «Просто видимся по пятницам» – это означает «встречаемся», – авторитетно заявила Оля.

– Мы не обсуждали это, – возразила Тася.

- А надо обсуждать? – удивилась подруга.
- Не знаю.
- Что ты заладила: не знаю, да не знаю! Барышне девятнадцать годочков, пора бы и знать.
- Оля посмотрела на подругу с видом умудрённой опытом женщины, прошедшей Крым и Рим и видевшей в этой жизни слишком много чужих драм.
- Ладно, – сказала она мягче. – Не хочешь, не рассказывай. Но ты улыбалась, когда он тебе писал.
- Я *не* улыбалась, – возмутилась Тася.
- На старославянском, – уточнила Оля.
- И что?
- То, что если ты улыбаешься даже на старославянском, это серьёзно, – подвела итог Оля.
- С таким диагнозом спорить бессмысленно.
- Тася фыркнула, но спорить действительно не стала.
- Ночью ей опять приснился Вася. Они целовались у подъезда, а мама смотрела на них в окно...

Поездка в Ярославль

Они сидели на мягком диване у окна в маленькой кофейне на Покровке. За окном ноябрь размазывал на дороге дождь, пытающийся то и дело притвориться мокрым снегом. Тася грела ладони о горячую кружку и смотрела, как по стеклу спускались кривые прозрачные ручейки.

– В эту субботу у Дюши день рождения. Надо обязательно быть, – сказал Вася, и по его тону стало понятно, что речь идёт о важном для него событии.

– Дюша – это друг в Ярославле?

– Ну да. Андрей. Он... – Вася замолчал на секунду, подбирая нужное слово. – Понимаешь, он не просто друг. Дюша как старший брат. В своё время сделал для меня много хорошего.

Тася оторвала глаза от кружки. Вася, когда шутил, всегда говорил легко, перескакивая с темы на тему. И поэтому сейчас его серьёзный тон придавал словам особое значение.

– Расскажи, – попросила она.

Вася пожал плечами, чуть отвёл взгляд, но рассказал.

Ему было четырнадцать. Компания – «та ещё», как он выразился: не злые, не отмороженные, просто пустые. Те, с кем вроде скучно, но всё равно тянешься к ним, потому что «свои», потому что вместе после школы, потому что с ними не так страшно быть *никем*. Несколько мелких «приключений», одно посерьёзнее – и в итоге учёт в ПДН. Мать плачет, утирая рукавом глаза, отец молчит, и это молчание – хуже любого крика.

– И вот тогда появился Дюша, – продолжил Вася. – Он тогда учился на физкультурном, второй курс. Пришёл к нам в школу по программе «наставничество и работа с трудными подростками». Ну, типа того. Я сначала думал: ну и что этот студент скажет мне умного?

Вася усмехнулся.

– А он и не говорил особо. Просто взял и потащил меня в бассейн.

– Так просто?

– Ну, не совсем, – Вася скривил губы. – Я сопротивлялся, как мог. Но Дюша настойчивый. Спокойно так, без давления, но действительно. Не как слепого котёнка взял за шкирку и поволок, а своим примером показал. И ещё он убеждать умеет. И как-то само получилось, что я начал ходить и в спортзал, и в бассейн... А потом внезапно оказалось, что у меня данные нормальные, тренер сказал – перспективный. И понеслось!

– Первый юношеский разряд, – напомнила Тася.

– Уже через полгода, – уточнил он без хвастовства, скорее – с благодарностью. – Без Дюши я бы... ну, не знаю как сказать конкретно. Может, ничего страшного и не случилось бы. Но и ничего путного точно не вышло бы. В общем, его день рождения – не то событие, которое можно пропустить.

Тася кивнула. Смотрела на него и думала: вот оно настоящее, тихое, важное, то, что спрятано под Васькиными мемами, лёгкими сообщениями и смешными голосовыми. Какой же он надёжный друг, способный быть благодарным за помощь!

– Понимаю, – сказала она. – Конечно, надо быть. Подарок выбрал?

Вася поставил чашку на стол и посмотрел на Тасю чуть внимательнее, чем обычно.

– Подарок? Лучший мой подарочек – это ты, – с нарочитой пафосной интонацией выдал он и тут же рассмеялся. – Поедешь со мной, Тась?

Вопрос оказался неожиданным.

– Ты серьёзно? – спросила наконец.

– Ну да, – Вася даже не попытался спрятаться за шуткой. – Переночуешь у нас, родители будут рады. Всё нормально, не переживай.

Тася перевела взгляд с Васи на разлитый по столу свет, на ноябрьскую серость за окном... и что-то внутри дрогнуло. И дело было не в дне рождения совершенно незнакомого ей человека. А в том, что стоит за этой поездкой.

Вот оно: *«Родители будут рады»*.

Он сказал это так просто, будто «переночуешь у нас» и «познакомишься с моей семьёй» – это одно и то же и вообще не событие. Может, для него так и было. А для Таси, выросшей в московской семье, где слова имели вес, всё звучало иначе: домой приводят не всех. И уж точно не «просто так».

– Вась, – осторожно начала она. – Это же... твои родители.

– Ну да, мои. И что? – искренне удивился он.

– Ничего. Просто это... – она поискала слово, – серьёзно.

Он пару секунд молча смотрел на неё, и по выражению его лица можно было понять, что значение Тасиной фразы до парня дошло не сразу.

– А-а-а, – протянул он, – ты в этом смысле.

– В этом, – подтвердила Тася.

– Тась, ну они нормальные люди, честно. Мама борщ сварит, отец расскажет что-нибудь про свой трактор. Он всем расхваливает своего железного коня. Ничего страшного!

– Я не говорю, что страшно, – она чуть улыбнулась. – Я говорю, что серьёзно. А это разные понятия.

Васёк помолчал, а затем тоже улыбнулся немного смущённо.

– Ну и пусть серьёзно. Это же хорошо! Так ты поедешь со мной?

Тася посмотрела в окно. Дождь по-прежнему размазывал огни фонарей, а на душе у неё возникло непонятное, щемящее душу, смятение.

– У меня зачёт по лингвистике на следующей неделе. Подготовка, – напомнила она.

– В воскресенье вернёмся. Успеешь. Кстати, в дороге на обратном пути и подготовишься. Я не буду отвлекать.

– И тренировка в субботу утром, – не сдавалась Тася.

– Во сколько?

– В восемь.

– Электричка в двенадцать. – Он загибал пальцы. – Я встречу тебя после тренировки прямо с рюкзаком. Захвати с собой, что вам девочкам надо: ну... туфли, пижаму... Успеем!

Тася невольно улыбнулась: он уже обдумал логистику, скорее всего, заранее всё просчитал.

– Ты давно спланировал?

– Да нет, только что, – он пожал плечами. – Но хороший же план!

Она засмеялась.

– Стратег! Ладно, – сказала Тася наконец, – еду!

* * *

В субботу утром Тася стояла у бортика бассейна и думала не о положении носка ступни, не о синхронности поворотов и даже не о дыхании, а о том, что, платье, которое она приготовила, кажется вполне подходящим для вечеринки: не слишком нарядное, но и не «вышла за хлебом».

Тренер говорила про финальную связку, демонстрировала руками, как нужно вывести линию, и Тася кивала в такт, одновременно мысленно перебирая содержимое рюкзака.

Платье. Свитер. Пижамы. Туфли. Щётка. Зарядка. Колготки?

– Соколова, ты где? – голос Юлии Ивановны рубанул по воде, как стартовый свисток.

– Здесь, – вздрогнула Тася. – Извините.

После тренировки она переоделась быстрее обычного. Волосы закрутила в несложную укладку, поверх – шапка, в карманах – телефон и на всякий случай шоколадка.

Вася с немного промокшими от снега волосами ждал её у входа. Тёплая куртка, большой рюкзак за плечами и два стакана кофе в руках.

– Держи, – протянул он один. – Как тренировка?

– Нормально, – ответила она, глотнув кофе. – Тренерша ругалась.

– За что?

– За то, что витала в облаках.

– Думала про поездку? – Вася с довольной улыбкой усмехнулся.

– Думала про платье, – честно призналась Тася.

– Тась, там день рождения, а не светский раут, – хмыкнул он.

– Я знаю. Всё равно думала.

– Да ты вообще можешь хоть в джинсах появиться и всё равно Богиней будешь.

– Льстец ты, Васёк!

– Чего это я льстец? У тебя вон нимб над головой сияет. Кстати, «Таис Афинскую» я прочёл.

– И?

– «Лезвие бритвы» Ефремова купил.

– Да, Васёк, лучше позже, чем никогда, – засмеялась Тася.

* * *

Вагон электрички был полупустым. Вася закинул оба рюкзака на багажную полку, сели у окна, и электричка мягко тронулась. Москва за стеклом начала растягиваться и ломаться: сначала серые дворы, гаражи, промзона, потом редкие деревья, поля с полосами снега на них.

Тася смотрела в окно и думала, что не только пейзаж меняется за стеклом, но и в её жизни всё больше и больше новых красок, и это волнующе.

– Нервничаешь? – Вася чуть склонился к ней.

– Нет.

– Врёшь, – беззлобно констатировал он.

– Немного, – призналась она.

– Зря, – пожал он плечами. – Мама обрадуется. Она вообще любит, когда я кого-нибудь привожу. Говорит, у меня друзей мало.

– У тебя мало друзей? – удивилась Тася.

– Нормально. Просто я не из тех, кто со всеми подряд. Дюша, ещё пара человек. Мне хватает.

Тася на секунду представила его в шумной компании, где он шутит, развлекает всех. И тут же поняла, что как раз наоборот: он из тех, кто шутит исключительно только для своих.

– Расскажи мне про родителей, – попросила она.

Вася откинулся на спинку сиденья, скрестил ноги.

– Ну что рассказывать. Отец – Николай Петрович, мама – Светлана Андреевна. Фермеры. У них хозяйство – небольшое, но своё. Пшеница, кукуруза, овощи, живность всякая. Работают сами без наёмных, помощников берут только на уборку урожая.

– Это же тяжело, – посочувствовала Тася.

– Очень, – без позы подтвердил Вася. – Ферма – это не восьмичасовой рабочий день. Встают в пять, ложатся поздно. А они же ещё не старые – отцу сорок четыре, маме сорок. Поэтому я и езжу. Беру на себя, что могу. Они хотя бы в воскресенье чуть выдыхают.

Тася слушала и думала: вот почему нет встреч с Васей по выходным. Не потому, что «так заведено», а потому что иначе нельзя.

– Они знают про меня? – Тася пристально посмотрела на Васю, чтобы увидеть, какой будет его реакция.

– Ну... в общих чертах, – смутился он.

– Это как?

– Ну, я сказал, что есть девчонка. Симпатичная. Рыжая. Филолог.

– И всё? – она приподняла бровь.

– Мама спросила: спортсменка? Я ответил: «да» и добавил, что ты золото взяла на Спартакиаде. Она говорит: хорошо – сильная, значит.

Тася засмеялась:

– Серьёзная система отбора.

– А то! У нас простые критерии, – кивнув, согласился Вася.

За окном тянулись белёсые поля, почти зимние, с тёмными деревьями на горизонте. Электричка мерно покачивалась, в вагоне было тепло, народ разговаривал вполголоса.

Внутреннее напряжение, которое Тася носила в себе с утра, понемногу начало оседать.

– А Андрей? – спросила она. – Он какой?

Васёк задумался.

– Серьёзный, я уже говорил. Но не скучный и не занудливый. Он сейчас тренирует детей: плавание, средний возраст. Хороший тренер. Только себя немного... не ценит, что ли.

Вася на секунду отвёл взгляд к окну.

– Травма у него была. Сухожилие серьёзно порвал, ещё в институте. Карьера пловца накрылась. Мне кажется, он до сих пор не до конца с этим разобрался и не отпустил ситуацию.

– Жалеет? – спросила Тася с сочувствием.

– Вслух нет, – пожал плечами Вася. – Он из тех, кто всё внутри держит. А снаружи всё нормально: шутит, улыбается. А внутри... – он недоговорил, но было понятно.

– Ему сколько лет?

– Двадцать четыре будет. Старше нас на пять лет, а иногда кажется, что на десять.

Тася перевела взгляд на мелькающие деревья.

– Значит, интересный человек, – почему-то вздохнула она.

– Он нормальный, – закрыл тему Вася. – Сама увидишь. Тебе точно понравится.

* * *

Ярославль встретил их не московской слякотью, а лёгким, пушистым, тихим снегом. Падал он неторопливо и таял на рукавах, оставляя маленькие влажные круги.

Тася вдохнула холодный воздух.

– Красиво, – улыбнулась она.

– Это да! – согласился Вася. – Зимой у нас хорошо.

Он уверенно взял её за руку и повёл. Будто так и положено идти им по жизни вместе с рукой в руке.

Они дошли до остановки троллейбуса, чтобы на нём доехать до автовокзала. Тася вертела головой по сторонам – всё ей было интересно: старые дома, вывески маленьких магазинов, а впереди виднелась церковь с синими куполами, припорошёнными снежком.

Она думала, что ещё утром стояла у бортика бассейна в Москве, а теперь идёт по чужому городу, который почему-то совсем не кажется чужим. Будто она сюда уже когда-то приезжала, только забыла когда. Может быть, в раннем детстве? Надо порасспрашивать маму.

В кармане пискнул телефон. Тася на ходу вынула его.

Подруга по команде Лена написала: «Ну что там? Доехала?»

Тася набрала текст: «Доехала. Снег идёт».

Через минуту очередной вопрос: «и всё?»

Тася призадумалась, посмотрела на Васю, на мягкий снег, на купола впереди и ответила:
«и всё».

Телефон отправил сообщение и погас.

Всё остальное Тася пока оставила при себе.

День рождения

До посёлка добрались автобусом.

Дом родителей, деревянный, крепкий, с высоким крыльцом и резными ставнями, своей основательностью привлёк внимание Таси ещё издали. Нечто подобное Тася видела разве что в кино про деревню. Внутри по-домашнему пахло пышущей жаром печкой с потрескивающими в ней дровами, и пирогами, от которых побежали слюнки. Тася на секунду растерялась от этого обволакивающего уюта, словно случайно зашла в чужую, совсем незнакомую ей жизнь. Впрочем, так оно и было.

– Проходи, не стесняйся, – Вася легонько подтолкнул её в спину.

Светлана Андреевна, услышав шум в прихожей, вышла из кухни. Перепачканные мукой руки вытерла о фартук и обняла сына, а потом перевела открытый заинтересованный взгляд на Тасю: «посмотрим, кого он привёл».

– Та-и-сия, – почти по слогам произнесла мать, будто примеряла слово на вкус. – Красивое имя. Редкое сейчас. По церковному – плодородная. Проходи, вы как раз к столу.

Тася кивнула, разулась и прошла на кухню. В ожидании молодёжи стол уже успели накрыть. За столом сидел отец – Николай Петрович. Он поднялся, поздоровался, придвинул стул для сына поближе к своему, а Тася села возле Светланы Андреевны, напротив Васи.

За ужином пахло хлебом и теплом. И было шумно. Но шум не из тех, когда один перебивает другого или говорит поверх, а размеренный, домашний: позвякивали ложки, отец выкладывал новости, мать кивала и добавляла своё, Вася хохотал, запрокинув голову, а Тася отвечала ему улыбкой и рассказывала про Москву. В этом шуме было столько жизни, что молчать показалось бы ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.